

R 4 ^{XIII⁶}
A-25843

Р Ъ Ч Ъ

О

ЛЮБВИ КЪ ОТЕЧЕСТВУ.

НА СЛУЧАЙ ПОВѢДЬ, ОДЕРЖАННЫХЪ
РУССКИМЪ ВОИНСТВОМЪ НА ПРАВОМЪ
БЕРЕГУ ДУНАЯ,

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНИИ
ИМПЕРАТОРСКАГО ДЕРПТСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

Ноября 12 дня 1811 года,

говоренная

Надворнымъ Совѣшникомъ, Философїи Докторомъ, Россій-
скаго языка и словесности Профессоромъ П. О., обществъ Геш-
тингскаго Физическаго, и Парижскаго Академическаго Наукъ
членомъ, Шотландскаго города Друмфриса гражданиномъ

АНДРЕЕМЪ КАЙСАРОВЫМЪ.

Д е р п т ъ,
въ Университетской Типографїи М. Г. Грендіуса.

Печатана по приказанію Императорскаго Дерптскаго
Университета.

4-XIV⁶ A

Тарту Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

25843

Какое торжество совокупляетъ насъ, Почтеннѣйше Служители? Къ чему спѣшатъ люди разныхъ языковъ, разныхъ исповѣданій, разныхъ состояній въ сѣ святыни, Музамъ посвященное? Новыя ли мудрованія спремятся они услышать? мудрованія, можетъ быть ихъ временный и вѣчный покой нарушающія? но въ семъ убѣжищѣ истина воцарилась! Новыя ли открытія, въ естественномъ и нравственномъ мірѣ учиненныя изслѣдовать желаютъ? но не одинъ часъ — цѣлая жизнь для сего потребна! Новыя ли милости, на сѣ сословіе оубо Престола изліянныя узнать надѣются? Но сихъ милостей источникъ не изчерпаемъ, десница, ихъ разсыпаящая не умолкаетъ, наслаждаться ими мы уже привыкли!

Чѣмъ же созываемъ насъ, Служители? Не горестное чувство на лицахъ вашихъ изображенное вижу; радость блистаетъ во взорахъ вашихъ, радость изъ глубины сердца возникающая. Еще ли Отечеству торжество праздновать преднамѣреваемся? Еще ли сынамъ его, блескъ славы его умножающимъ, жертву чувствъ принести щимся? Еще ли человѣколюбивому, но бодрствующему,

кропкому, но правдивому, миролюбивому, но неусыпному АЛЕКСАНДРУ сыновня сердца приносимъ? Такъ, Ему и Отечеству да будетъ посвященъ сей и каждый часъ нашей жизни, каждое бѣшеніе нашего сердца. Радоваться только можемъ мы, Слушатели, восхищаться только въ состояніи мы блаженствомъ нашего Отечества, пользуясь защитою его воиновъ; въ глубинѣ сердецъ нашихъ можемъ мы благодарить Государю и отечеству за покой, коимъ наслаждаемся. Но что говорю я? не благодарности но любви ожидають отъ насъ АЛЕКСАНДРЪ и Россія.

Сколь часто уже защищали край сей войны Россійскіе? Не хочу говорить о тѣхъ непрерывныхъ битвахъ сѣверной войны, въ которыхъ Русскіе запечатали своею кровію блаженство жителей сего края. Не хочу говорить о тѣхъ кровопролитныхъ битвахъ, коихъ свидѣтелями были Аустерлицъ, Фридландъ, Ейлау, Пултускъ, о тѣхъ битвахъ, изъ которыхъ сыны Русскіе выходили всегда съ новыми вѣнцами, съ новою славою, съ новымъ стремленіемъ принести Отечеству своему послѣднюю каплю крови, послѣдній порывъ силы въ жертву благодарности.

Пусть всякой изъ васъ, Слушатели, приведетъ себѣ въ намятъ тѣ исполинскіе труды и подвиги, коими Россіяне ознаменовали слѣды свои въ снѣжныхъ поляхъ отдаленнаго сѣвера! Одно имя Торнео возбуждаетъ содроганіе въ южномъ жителѣ. Тамъ зимы вѣчный жертвенникъ, тамъ мразовъ и вѣтровъ обиталище, тамъ смерти

образъ — труда достигъ Россѣ; побѣдилъ препятствія природы, взглянулъ съ состраданіемъ на югъ — и на вѣчныхъ льдахъ начерталъ мечемъ своимъ предписанія мира! Чѣмъ возможетъ зависть и хитрость? Могутъ ли орудія злобы дѣйствовать противу груди, одушевленной любовью къ Отечеству? Бессильно пронырства ядовитое жало — оно не можетъ уязвить сердца, сею любовью возпаленнаго.

Будучи избранъ моими почтенными соповарицами для изъясненія чувствъ, насъ оживляющихъ, ни чѣмъ приличнѣе, Слушатели, не могу занять вниманія вашего въ сей священный часъ; какъ шокмо краткимъ разсужденіемъ о любви къ отечеству. Краткость времени, *) и недостатокъ моихъ дарованій извинятъ недостатки моего слова.

Тщешно лживые мудрецы прошедшаго вѣка старались осмѣивать любовь къ Отечеству; тщешно желали они содѣлать весь родъ человѣческой согражданами одного обширнаго семейства! Законы природы непремѣнимы; законы сердца существованію нашему современны; они не въ книгахъ, въ семъ хранилищѣ заблужденій ума человѣческаго, находясь, но въ душахъ нашихъ напечатлены. Какъ могли вообразить сіи мудрователи что не

*) Рѣчь сія писана на кануи торжества. Сочинитель имѣлъ щасіе возбудить удовольствіе во всѣхъ, понимавшихъ его. Университетъ приказалъ напечатать рѣчь на свой счетъ.

бывъ истиннымъ сыномъ Отечества, возможно быть добрымъ гражданиномъ міра? Какъ могли они себя представить, что не любя своихъ кровныхъ, можно любить чуждыхъ? Но заблужденіе есть удѣлъ смертнаго! —

Не мечта есть сіе чувство любви къ отечеству; бытописанія всѣхъ временъ, всѣхъ народовъ сіе свидѣлствуютъ. Первые его дѣйствія не зависятъ отъ наружныхъ обстоятельствъ : житель вѣчно цвѣтущей Аркадіи и обитатель снѣжной Камчатки ощущаютъ любовь сію. Неизданный рабъ блистательной Порты и гражданинъ свободной Великобританіи равно прикованы къ своему отечеству неразрывными узами сердечной привязанности. Мать древней Греціи, идущему на заступу отечества сыну, съ тѣмъ же чувствомъ произноситъ : *на щитѣ, или со щитомъ!* съ какимъ умирающій Римлянинъ издыхаетъ послѣднія слова : *сладко умереть за отечество!*

Чувство сіе не есть преимущество какого либо сословія — всѣ сыны отечества имъ одушевляются! Императоръ ПЕТРЪ, Патриархи Гермогенъ и Филаретъ, Князь Пожарскій, мецанинъ Мининъ, поселянинъ, освобождавшій посѣдѣвшую Москву, всѣ, всѣ однимъ чувствомъ воспламенялись; всѣ, имущество, кровь, жизнь — Отечеству въ жертву приносили! — Пренесемся къ временамъ раннимъ! Тамъ Государь-Патріотъ восклицаетъ : *не посрамишь земли Русскія! мертвыи бо срама немуть!* и воспламененное воинство единодушно отвѣщаетъ : *Идѣ же глаза твои,*

пу и свои главы сложимъ! *) Гордый Грекъ обращается въ бѣгство — Русской побѣдитель! — Бросимъ взоръ на сего, одно изъ низкихъ званий въ обществѣ носящаго Минина! какое чувство одушевляетъ его при первомъ извѣстїи объ опасности Отечества? еслили хотимъ избавить Отечество, восклицаетъ онъ, не должно намъ жалѣть ни нашего имущества, ни женъ, ни дѣтей нашихъ! И всѣмъ одушевленнымъ гражданамъ приятна была рѣчь его! **) Всѣ жертвуютъ всѣмъ для избавленія отечества. Злобный Ляхъ убѣгаетъ — Русской побѣдитель!

Многіе бы примѣры, Слушатели, могъ я привести вамъ любви къ Отечеству, одушевлявшей всѣ состоянія; исторія нашего отечества ими избыточествуетъ, повѣствованія другихъ народовъ не имѣютъ въ нихъ недостатка. Но краткость времени не позволяетъ мнѣ утруждать вашего вниманія. Окинемъ взоромъ еще нѣкоторыя черты любви къ отечеству.

Отличительная ея черта есть та, что чувство сіе имѣетъ предѣломъ одну только вѣчность. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ родъ человѣческой получилъ свое существованіе, съ тѣхъ самыхъ поръ чувство сіе существуетъ. Оно переходитъ изъ рода въ родъ, и вмѣстѣ съ человѣческимъ родомъ; но не прежде, исчезнетъ. Оно есть то драгоцѣнное наслѣдство, передаваемое отъ вѣка

*) Лѣтопись Несторова по Кенигсбергскому списку, стр. 62.

**) Лѣтопись о многихъ мѣшежахъ стр. 246.

въ вѣкъ, котораго никакая сила опиять не можетъ. Съ уничтоженіемъ народовъ только, исчезаетъ сіе священное наслѣдство. Горе иноплеменикамъ, оскорбляющимъ наше отечество! Любовь къ нему, и вражда къ нимъ переселяются въ потомство, они вѣчны! Смотрите на сего ослабѣвающаго *Ганно*: огонь въ сердцахъ его еще не потухъ, но тѣлесныя силы его изнемогаютъ. Торжественно подводитъ онъ юнаго *Ганнибала* къ жертвеннику и заставляетъ его клясться въ вѣчной враждѣ гордому Риму. Клятву юноши оправдываетъ возмужавшій. Никакія препятствія не полагаютъ ему преграды. Онъ досягаетъ вершины вѣчныхъ Алповъ, проникаетъ во внутренность гордой Имперіи — и опмщаетъ оскорбленія, нанесенныя его отечеству. Горе! Горе оскорбляющимъ наше отечество! самое всепожарающее время не можетъ изгнать въ сердцахъ нашихъ, въ сердцахъ потомства, клятвы опмщенія! Иногда обстоятельства пребудутъ терпенія — но возтрубитъ Ангелъ мести — и горе вамъ легкомысленные оскорбители иноплемениныхъ народовъ, оскорбители чужаго отечества! Тогда Провидѣніе оставляетъ мечъ своего правосудія и вручаетъ его оскорбленному. И еслибъ исполинъ изнемогъ въ своихъ браняхъ — мщеніе, ненависть оставитъ онъ въ наслѣдство сынамъ своимъ! Мщеніе, ненависть переселяются изъ рода въ родъ — Провидѣніе не дремлетъ — опмщеніе воспослѣдуетъ! Такъ, Слушатели, опмщеніе за оскорбленія, нанесенныя отечеству, связано не разрывною цѣпью съ любовью къ нему.

Но что есть Отечество, Слушатели? Не одна

ли мечта? Не привидѣніе ли, въ воспаленномъ воображеніи находящееся, и привычкою въ существенность обрѣтшееся? Не призракъ ли, которымъ умъ и чувства наши обольстись пытаются?

Нѣтъ оно не есть мечта, оно не есть призракъ или привидѣніе — дѣйствія его существуютъ наружно; привязанность къ нему впечатлѣна въ сердцахъ нашихъ. Какъ родишься ты, суемудрый, гордый человекъ? Безпомощенъ, беззащитенъ былъ бы ты, естълибъ судьба кинула тебя на необитаемый островъ! Начало бытія твоего было бы концемъ его! Ктобы защитилъ мать твою отъ страха? Кто бы помогъ отцу твоему, сражаясь съ дикими звѣрями, опнимая ихъ добычу, доставлялъ тебѣ пропитаніе? Ктобы блюлъ надъ твоимъ младенчествомъ, надъ твоею юностію? Ктобы вселилъ въ тебя сіе чувство собственнаго величія, сіе вѣчное стремленіе къ высотѣ, сіе изыщное соревнованіе бытія твоими добродѣтелями Божеству подобнымъ? Тщешное, но цѣли Божества соотвѣтствующее соревнованіе! Но что говоря? что бы былъ ты на необитаемомъ островѣ безъ твоихъ родителей? что бы могли тебѣ доставить твои родители, небудучи защищаемы Отечествомъ? Такъ суетный мудрецъ, твое нравственное и естественное существованіе Отечество тебѣ даровало! Но не то живое нравственности твоей образованіе, которымъ ты вступилъ гордиться! Нѣтъ! оно воспитало тебя съ родительскою нѣжностію, оно не ожидало, чтобы ты суемудрствуя спросилъ: не мечта ли Отечество? Нѣтъ, Слушатели, оно не мечта! Ваше сердце вамъ ясно то

сказываетъ. Оставимъ заблуждающихся, изслѣдуемъ въ крапкихъ словахъ, сколько время позволяетъ, что есть Отечество ?

До сихъ поръ путешественники, самые отдаленные края земнаго шара посѣщавшіе, не находили человѣковъ въ *одинокомъ* состояніи живущихъ. Люди, на низшей степени образованія встрѣчавшіеся, въ семейственномъ состояніи находились. Кто доставлялъ младенцу пропитаніе ? кто укрывалъ его отъ зноя и холода ? гдѣ пропекло время его невинности ? Отецъ и Мать пеклись о его слабости; при семъ ушло много, при семъ мхомъ обросло много камней, развертывались его силы — и онъ не долженъ любить, своихъ родителей, не долженъ чувствовать привязанности къ свидѣтелямъ своего ребячества ? Нѣтъ! всякой камень, всякой кустъ для него священны! — Иногда сѣи семейства встрѣчаются разбѣяными; но составляя одно колено, елики не въ *вѣчномъ мирѣ*, по крайней мѣрѣ въ *согласіи* находятся; одинъ за всѣхъ, всѣ за одного вооружаться готовы! Оскорбленіе, нанесенное чуждымъ племенемъ, опшмцается — слѣдовательно и въ дикомъ состояніи нравственныя границы Отечества существуютъ — и тогда привязанность, любовь къ Отечеству обнаруживается. — Здѣсь одно только соплемѣніе дѣйствовало. — Дикія Орды вступаютъ въ общество, условливаются защищать другъ друга противъ людей и звѣрей дикихъ. Они начинаютъ пецись о своемъ пропитаніи — звѣроловство и рыбная ловля суть первыя къ сему способы. Оба способа требуютъ вспомошествованія. Сила, искусство одного, слу-

жать другому; открывается новая связь, связь изъ сердца, и чувства немощи производящая — возрастаетъ дружество. Утвердилось чувство любви къ родителямъ, въ младенчествѣ бывшіе наше сохранившимъ; возникло чувство небеснаго дружества — тогда родилось Отечество! —

Что же есть Отечество? Оно есть вмѣстилище всего священнаго, всего для сердца нашего любезнаго! Оно заключаетъ въ себѣ все то, безъ чего мы быть не можемъ, слѣдовательно и безъ него, безъ любезнаго Отечества, существованіе наше сомнительно, не вѣрно, безпокойно! Изторгните просвѣщеннаго Швейцарца изъ среды его Отечества, разсыпьте предъ нимъ всѣ сокровища сего міра — одинъ звукъ любимой ему мелодіи — и слезы капятся изъ глазъ его! При семъ звукъ воспоминаетъ онъ васъ, милые родители, васъ нѣжные содрузи его юности, васъ дикія, но для него любезныя утѣсы, тебя священное Отечество! Душа его унываетъ, сердце его трепещетъ и спремится къ міра сего современнымъ, гордымъ, вѣчнымъ льдомъ покрытымъ вершинамъ! Извлеките изъ снѣговъ его получеловѣка Лапландца, разпочтите предъ нимъ всѣ спокойствія Европы всѣ роскошества сладострастной Азіи — взоръ его обратится къ холодному сѣверу — холодному для насъ; но воспаляющему въ немъ огонь священнѣйшій, огонь любви къ Отечеству! Такъ, Слушатели! Отечество есть вмѣстилище всего для насъ любезнѣйшаго! Проклята да будетъ ненавистная мысль, что тамъ отечество, гдѣ хорошо! Ахъ, нѣтъ! только въ

Опечествѣ нашемъ можетъ сердцу нашему быть хорошо! Въ немъ только наслаждаемся мы жизнью — внѣ Опечества нѣтъ жизни! Разорвавъ узы родства, разпоргнувъ узы крови и сердца, гдѣ можемъ мы обрѣсти щастіе? Гдѣ еще жизнью наслаждаться возможемъ?

Въ дикомъ состоянїи чувствуютъ люди привязанность къ людямъ, привязанность къ мѣсту; но еслии въ просвѣщенномъ состоянїи рода человѣческаго являющіяся новыя побудительныя причины, новыя благодѣянія, благодарности пребующія; еслии сіи благодѣянія Опечествомъ излиты — тогда сколь сильнѣе, сколь выразительнѣе должна быть наша къ нему любовь?! — Въ первобытномъ состоянїи только тѣлу нашему защиту и пропитаніе оно даровало; въ просвѣщенномъ — Божеству подобясь, изоцряетъ наши душевныя силы, образуетъ наши чувства, даруетъ намъ умъ и разсудокъ. Такъ, Слушатели, оно нещадитъ силъ своихъ для образованія нашихъ силъ душевныхъ! Нѣтъ пожертвованія, котораго бы оно не принесло, для содѣланія насъ душевно и наружно щастливыми!

Обратимся ли мы къ нашему любезному Опечеству, кинемъ ли взоръ на тебя, благоденствующая и благодѣтельница Россія? — Сей храмъ, Музамъ посвященный, свидѣтельствуетъ твои благодѣянія! И на отдаленныхъ сыновъ твоихъ, сыновъ инымъ языкомъ иную вѣру исповѣдающихъ, изливаешь ты лучи благотворнаго свѣтила просвѣщенія! Никто не сокрытъ отъ твоего блистательнаго, чадолюбиваго ока. Ни кочую-

щій житель степей отдаленныхъ, во тьму невѣжества погруженный; ни обитатель странъ щасливѣйшихъ, въ буйномъ чувствѣ мнимаго просвѣщенія щасливымъ быть мечтающій, не теряютъ права своего на твою благотворительность!

Но какъ утверждается между *иноплемennыми* неразрывная связь? Что сближаетъ ихъ? Что къ одной, общей цѣли побуждаетъ? Не буду говорить вамъ о дѣйствіяхъ обычаевъ, законовъ, вѣры — языка токмо коснуся. Языкъ связуетъ ихъ, Слушатели! Языкъ, которымъ они внятно могутъ выражать другъ другу чувствованія сердца, изъясняя души тончайшія движенія.

Симъ благоприятнымъ случаемъ, когда Отечество сынамъ своимъ жертву, приносить, пользуясь, обращаюсь къ вамъ, питомцы сего священнаго храма! Въ первый разъ раздается языкъ русской въ семъ священицѣхъ Музѣ. Въ первый разъ осмѣливается Русской, будучи призванъ гражданами сего града и своими почтенными сошоварицами, употребить языкъ свой въ торжественномъ собраніи сего сословія. Щасливымъ бы я почелъ себя, еслибѣ слова мои коснулись не одного слуха, но и сердецъ вашихъ, и воспламенили бы въ нихъ должное уваженіе и привязанность къ языку обильному, красотою исполненному, — къ языку, въ Отечествѣ нашемъ господствующему. Щасливъ былъ бы я, еслибѣ вы, юноши, ищущіе здѣсь образованья умъ и сердце ваше, желающіе здѣсь содѣлаться полезными членами общества, увидѣли : сколь необходимъ для

васъ языкъ народа величайшаго въ свѣтѣ, языкъ вашего Отечества! Есльлибъ вы почувствовали, что безъ него не можете вы быть истинными Русскими. Есльлибъ вы убѣдились въ томъ, что въ цѣни, человѣческое общество утверждающей, языкъ есть звѣно птвердѣйшее; что онъ есть тотъ волшебный камень, посредствомъ котораго исчезаетъ величайшее пространство, и житель одного полюса узнаетъ въ жителѣ другаго своего брата; что онъ рождаетъ тоже чувство, тѣже мысли, тоже бѣненіе сердца въ обитателяхъ береговъ быстро-крушащагося Иртыша, мрачнаго Дуная и тихо-величественной Невы. О есльлибъ вы сіе почувствовали, тогда ваше щастіе, ожиданія Россіи — слава Ораатора доспигли бы крайней цѣли. Тогда бы узнали вы, что цѣнишь доблести Русскихъ можетъ только Русской. Сѣверъ и Югъ соединяются вмѣстѣ, дабы уменьшивъ славу Исполина; — Сѣверъ и Югъ изощряютъ ядовитое свое жало, дабы уязвить его; но онъ великъ, онъ чувствуетъ свое достоинство, поражаетъ ихъ тысячами громовъ — и пренебрегаетъ коварную ихъ зависть!

Сія новая побѣда нами, Слушатели, поржествуемая, есть ничто иное, какъ доказательство нашего могущества — враговъ нашихъ безсилія; нашей твердости — ихъ изнемогающаго коварства; нашего права — ихъ злобы и прищязанія. Герой Кушумовъ! мышцы твои приобыкли побѣждать Невѣрныхъ! Дополь, пока въ изъязвленной ранами груди твоей бьется Русское сердце, дополь мы спокойны! Ты зрѣлъ усыпленный, но гордый Спавбулъ во время мира — ты найдешь путь къ нему

съ мечемъ въ десницѣ! Тебя сопровождаютъ наши желанія, наша благодарность!

Но что говорю я? Кто виновникъ сихъ побѣдъ? Кто виновникъ нашего блаженства? Вѣнценосная Добродѣтель! крошкѣй, но могущественный АЛЕКСАНДРЪ! Тебѣ всякимъ пріяннымъ чувствомъ, Тебѣ блаженствомъ дней нашихъ мы обязаны. Тебя, Зиждителя сего храма, Музы крошкѣй обожаютъ! — Слабъ языкъ мой, дарованія мои слабы — Тебѣ жертву душъ приносимъ!!
